

тетен sich seit dem Ende des 1. Jahrtausends die Öfen mit Tongewölbe (Abb. 3), die als eine slawisch-baltische Gemeinsamerscheinung zu betrachten ist.

Der westliche Bauernhaustypus entwickelte sich in den Bezirken, wo die Traditionen des Herdhauses Anfang des 2. Jahrtausends (teils auch später) stärker waren. Der Typus bildete sich durch Zusammenschließen der mit dem Ofen heizbaren Stube und des Herdhauses heraus. Aus dem letzteren entstand die Küche (Flurküche). Die Daten der Archäologie und Sprachwissenschaft lassen die Vermutung zu, dass dieser Typus auch in Estland verbreitet war (Abb. 5), wobei er hier auf die Herausbildung der Riegenwohnung, besonders deren südostnordlettischen Variante, Einfluss ausübte. Der östliche Typus (Rauchstube) entwickelte sich dort, wo nach dem Aufkommen des Ofens der letztere zu einer Hauptstelle der Speisenzubereitung wurde. An die Stube schloss sich der unheizbare Vorraum an, über dessen Vorhandensein die Angaben schon aus dem Anfang des 2. Jahrtausends vorliegen (Abb. 6). Eine der zwei Hauptkomponenten der Riegenwohnung — die Riegenstube — entwickelte sich aus der frühzeitlichen Stube mit Hitzsteinofen. Diese Stube konnte als Getreidedarre — Riege — schon in den ersten Jahrhunderten des 2. Jahrtausends benutzt werden. Aber damals fehlte noch der den Ausmassen der zweiten Komponente, der Tenne, entsprechende Raum.

К ВОПРОСУ О ЛИТОВСКО-СЛАВЯНСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В ОБЛАСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА (II половина XVI—XVIII в.)

Р. Меркене (Вильнюс)

Настоящая статья вкратце касается степени распространения в Литве и Белоруссии однотипных животноводческих построек, а также факторов, повлиявших на их возникновение. Основным материалом для изучения послужили описания на славянских языках в инвентарях имений и других юридических документах XVI—XVIII вв. около 600 построек этого периода, а вспомогательным — лингвистические и этнографические данные конца XIX—XX в.

Сопоставление инвентарей имений Литвы и Белоруссии позволяет утверждать, что во многих усадьбах было по 2—4 вида построек для помещения домашних животных. Сводные данные по этнографической Литве (Жемайтия, Тракайское и Виленское воеводства) и Белоруссии (Брестское, Минское, Новогрудское и Полоцкое воеводства) свидетельствуют, что на всей этой территории было множество однотипных построек, т. е. таких, которые в документах указаны под одним названием. В некоторых случаях, когда писарь не знал, к какой категории отнести постройку и хотел подчеркнуть ее локальные свойства, он прибегал к местным названиям или указывал общую категорию и местное название.

В XVI в. для Литвы наиболее характерными были *стайни* и *оборы*, для Белоруссии — *хлева* и те же *стайни*. Приблизительно одинаково распространены *стаенка*, жилая отапливаемая постройка, *одрина-пуня* и отдельная постройка для кормления и доения.

Анализ планировки показывает, что на всей территории наиболее близкими типологически были те постройки, которые в XVI в. и в последующем времени в имениях постепенно выходили из употреб-

ления и лишь в мелких крестьянских хозяйствах строились вплоть до XX в.

В XVI—XVIII вв. на грани функциональной дифференциации были *пуня* и *одрина* — постройки для хранения фуража (сена, яровых, соломы, мякны и т. п.) [1, с. 411; 512, 515, 619; 2, с. 14, 33, 81, 109, 116, 157, 217, 270, 445; 3, р. 49] и для содержания домашних животных [3, р. 49; 4, р. 18, 132, 200; 5, с. 77, 331; 6, с. 63, 185, 186, 485]. Бифункциональность объясняется уровнем животноводства, не доросшего до самостоятельной отрасли со специализированным инвентарем. Пуня и одрина — постройки однокамерные, практически мало отличающиеся, иногда даже воспринимаемые как тождественные помещения (в инвентаре 1563.06.24 имения Панявежис указано: „Пуни або одрыны старых три“) [7, с. 77]. Они существовали параллельно на всей территории. Слово *пуня* в польском, белорусском, русском языках обозначает разные хозяйственные помещения: ‘постройка для сена’, в русском языке — ‘отдельный чулан, плетневая клеть’, в польском и белорусском — ‘возовня’. Интерес вызывают идентичные значения лексемы *пуня* в литовском и славянских языках: ‘гумно’, или одно из гуменных помещений — ‘мякинник’, и ‘хлев’ [8, с. 538; 9, с. 407; 10, р. 152; 11, р. 187, 193]. А. Сабалюскас, который дал исчерпывающий обзор этимологии слова *пуня*, сделал вывод, что многообразие значений этого слова на литовском языке является довольно веским аргументом его балтского происхождения, но считал это предположение окончательно не доказанным. По мнению большинства лингвистов, балтское происхождение лексемы *пуня* не вызывает сомнений [9, с. 407; 10, р. 152; 11, р. 187, 192; 12, р. 44]. На той территории Литвы, где в XVI в. зафиксирована *пуня* в значении ‘хлев’, *хлев* под этим же названием существует и в XX в. [13, *Žem.* 13]. На довольно далеком расстоянии от этого региона в Белоруссии, в восточной части Минской и Гомельской областей имеется ареал *пуни* со значением ‘овечий *хлев*’ [14, карта 231]. По данным Л. А. Молчановой, в Гомельской обл. так же называли постройку для крупного рогатого скота [15, с. 79]. Все это наводит на мысль, что *пуня* является реликтом более древнего балтского пласта, когда-то охватывавшего гораздо большую территорию.

В XVI в. и позже ареал *пуни* постепенно распался в связи с локальной дифференциацией функций древних построек. В этот период в пунях имений Литвы и Белоруссии можно найти много общего. Наиболее полное описание пуней — в инвентаре 1619.11.5 имения Шяуленай (повет Видукле). Из этого описания явствует, что их планировка была разнovidной [16, р. 86]. Одна постройка напоминает крестьянские гумна конца XIX—начала XX в. Их И. Буткявичюс относил к аукштайтскому типу. Его отличительными чертами являлись входы с концов, в середине расположенный ток и с его сторон — засеки [17, р. 248, 249, раv. 17; 18, р. 193]. По мнению И. Минкявичюса, в XVIII—XIX вв. такие гумна были характерны для имений Аукштайтии, однако их составной частью являлась сушильня [19, р. 90, раv. 14; р. 91, 94, раv. 20; р. 92]. О процессе дифференциации *пуни* на специализированные гуменные постройки

в Литве говорят лингвистические данные: слово *пуня* сохранилось в значении 'мякинник' гумна в окрестностях Крикленай, Паистрис, Пасвалис, Радвилышкис, Саламестис, Шедува [20, р. 916, 917].

Другая пуня — семистенная, имеет некоторое сходство с санными сараями имений Литвы, основная схема которых по типизации Й. Минкявичюса состоит из двух сеновалов и тока с въездом в центре постройки. В XVIII—XIX вв. они характерны для имений по всей Литве [19, р. 94, раб. 20]. Насколько можно судить по инвентарю 1775 г. имения Летца (Витебский повет), семистенные пуни были характерны и для Белоруссии [7, с. 270].

Пуня — постройка наиболее архаичная. По сводным данным инвентарей XVIII в., из 41 отмеченной пуни в 22 случаях лишь констатируется их наличие. О 19 пунях имеются сведения, позволяющие предполагать, что около 36% построек с этим названием имели открытые входы. В пунях, предназначенных для хлебов и мякины, устраивались двери; почти в 67% пуней, предназначенных для соломы и сена, — одни, реже — 2–3 входа с двухстворчатыми или одностворчатыми воротами. С дверьми строились и пуни для птиц, но иногда они, как и пуни для домашнего скота, оставались открытыми, если строились во дворе, окруженном плотным деревянным забором.

Засеки в гуменных постройках — в санных сараях и гумнах — стали делаться сравнительно поздно. Можно предполагать, что в XVII в. на территории Белоруссии и Литвы они распространялись в северо-восточном направлении. В юго-восточную Польшу эта конструкция так и не проникла вплоть до XX в. [21, табл. 98]. Очевидно, что в планировке и конструкции крыши пуней, предназначенных для скота, и гуменных пуней для фуража не было существенных различий. Со временем пуня была вытеснена более специализированными постройками или приобрела новые черты.

В Литве два варианта пуней-хлебов и в XVI в. по планировке весьма близки к гумнам и санным сараям: 1 — постройка со средним переходным помещением (соответствует току) и помещениями для животных, расположенными по его сторонам (соответствуют сеновалам); 2 — сруб с пристройками (соответствует мякинникам), со входами через навес, устроенный между ними [22, л. 8].

Инвентари XVI—XVIII вв. показывают, что в имениях Литвы пуни строились редко. Возможно, что в то время они уже уступали место одринам, выполнявшим те же функции. В XVII в. в Литве на одну пуню строились приблизительно 20 одрин [16, р. 9–436]. В XVIII в. пуня широко бытовала в Белоруссии, особенно в ее северо-восточной части, и в среднем соотношение количества пуней и одрин там соответствовало 3:5 [23, с. 2–563]. Из этого следует, что распространение одрины в Литве не было прямо связано с ее распространением в Белоруссии и шло своим путем. Одрину можно считать новым архитектурным наслоением. Славянское название постройки, зафиксированное в исторических источниках, сохранилось в белорусском языке и наряду с пуней является наиболее распространенным названием сен-

ного сарая к югу от линии Вильнюс—Минск и на юго-запад от рек Свислочь и Березина [14, карта 236].

В литовском языке имеется несколько названий фуражной постройки. Среди них заслуживает внимания *daržinė*. В настоящем эта лексема обозначает 'сарай для сена' [24, р. 307]. Литературные источники XVI в. показывают, что она также обозначала 'помещение для содержания животных' [25, с. 153]¹. На белорусском языке *адрына*, *адрыны*, *андрына*, *одрыня* обозначала 'постройка для сена' [26, с. 65; 27, с. 257]. В русском языке *одрина* — это 'сеновал, хлев', в украинском — 'хлев', болгарском — 'сеновал, сарай' [8, с. 123]. На северо-восточном пограничье Литвы среди других названий сенового сарая распространена лексема *adryna*, *adrynelė*, *adrynia*, *adrinkos* [13, р. 57]. Таким образом, по своему смыслу *daržinė* было наиболее близким к *одрине*. Можно предполагать, что *одрина* и *daržinė* — это постройки, которые в большом регионе распространились из нескольких центров. Под воздействием аналогичных экологических условий и уровня строительной техники они приобрели аналогичные качества.

В XVI—XVIII вв. объединяющей чертой пуни и одрины, кроме их универсальности, было то, что при постройке их использовался один и тот же строительный материал. Значительная часть построек (особенно предназначенных для хранения фуража) имела плетеные из хвороста стены. Остальные строились из разного лесного материала в столбы или срубы.

В инвентарях Литвы XVII—XVIII вв. нет сведений о способе закрытия проходов в более чем 32% одрин (учитывались только те документы, в которых были описаны двери и ворота других построек) [16, р. 9–436; 20, р. 2–563]. В большинстве случаев это были постройки, назначение которых не было указано. Можно только предполагать, что в Литве и Белоруссии в тот период их использовали аналогично: хранили там солому или ставили лошадей и жеребят. Об их содержании в гуменном дворе и его постройках имеются сведения, относящиеся уже к XVI в. В таких случаях одрина могла быть открытой. При необходимости вход на определенной высоте перекрывался жердью. По данным этнографических материалов, так поступали крестьяне в конце XIX—первой половине XX в. В одринах для скота и сена обычно устраивались одни ворота. Фуражные одрины иногда имели также двое ворот — на пролет или две пары ворот. Судя по количеству ворот, одрина, как и пуня, была различных размеров, но первая более приспособлена для разгрузки сена или соломы. Этого можно было достичь вследствие общего развития техники народного строительства, в результате которого под одной крышей объединялось несколько срубов и постройки приобретали сложную конфигурацию.

В литовской этнографической литературе сложилось мнение, что

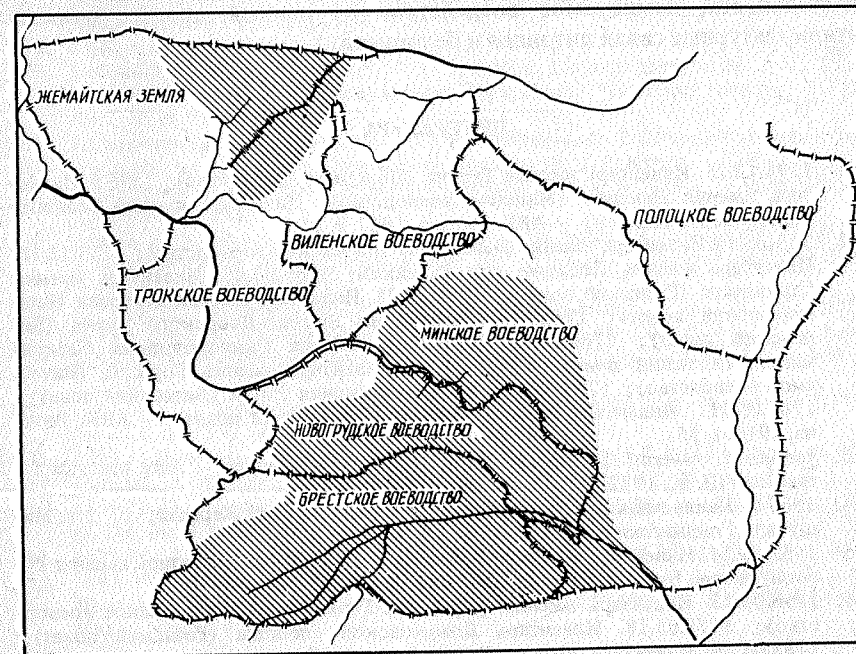
¹Сопоставим двуязычный текст Катехизиса М. Петкевича: „(...) á wždy tu w stáyni leżał/ten co nam wszystko ziednał (...)”. „(...) wienok dáržiney guli/sawa kiałtuwu guolij (...)”.

обора в Литве распространилась по крайней мере после инструкции Я. Лашковского, в которой он рекомендовал полесский образец сельского скотного двора: плотно огороженный двор с воротами, в состав которого входит хлев или постройка, названная им *daržynė* [28, с. 92]. Первые описания оборы в инвентарях довольно поздние, но это не означает, что она получила распространение только под влиянием Устава на волюки. В 93,7% описаний обора в инвентарях только констатируется их наличие (однако в тех же инвентарях указывается количество помещений в других постройках). Во многих случаях в одной усадьбе указано несколько обора, которые, как можно предполагать, были однокамерные [29, р. 242, 252, 504, 506, 531; 30, л. 28].

В белорусском языке среди названий загонов, устроенных в поле или лесу, название 'обора' отсутствует [14, карта 232]. В значениях двор — *rodworze*, 'усадьба' — *sała zagroda* в польском языке слово *obora* распространено на сравнительно небольшой территории Северной Польши (Олштынское и частично Бялыстоцкое воеводства); в указанных значениях оно еще локализовано в двух ареалах: I — Кравковском и Ржешовском воеводствах, II — на севере Гданьского воеводства [21, тара 108]. *Обора* со значением 'постройка для скота' известна в белорусском языке — особенно на Полесье [27, с. 252; 15, с. 79], в польском — во многих местах Польши, за исключением западной ее части [21, тара 108]; известна *обора* также в болгарском языке (форма *обор*) — близ р. Марица между городами Димитровградом и Хосковым [31, карта 252]. Можно предполагать, что это только остатки древнего распавшегося ареала бытования слова *обора* со значением 'загон для скота', в дальнейшем расширившего свое значение и обозначающего 'загон с навесом или постройкой'. Характеристика обора, содержащаяся в инвентарях имений Белоруссии XVI в., соответствует их описаниям в инвентарях имений этнографической Литвы. Они строятся из бревен или их стены делаются из плетня и покрываются соломенной крышей. В одном имении их имеется по одной или несколько, иногда отмечено, что это единственное помещение для животных. Значит, часть обора указанного периода — просто загоны и лишь весьма относительно их можно называть постройками. В инструкции Я. Лашковского хлева, входящие в состав обора, предлагалось строить так, чтобы скот в любой момент мог без задержки туда входить и выходить оттуда, т. е. без дверей и ворот. Итак, инструкция, очевидно, рекомендовала то, что уже применялось: устроить в загоне несколько навесов от дождя и ветра. Именно такие обора в XVI в. строились в Брестском и Новогрудском воеводствах. Там, как и на востоке Жемайтии, обора объединяла 3–5 построек. Среди них были и тристенки, которые также строились отдельно для доения коров. Иногда в них держали скот. В тот период обора были сравнительно мало распространены. Можно считать, что белорусский и литовский ареалы образовались одновременно и самостоятельно, без заметного непосредственного этнокультурного взаимодействия (см. рис.), не исключая косвенные связи. В Литве ареал обора на севере вплотную приближался к Латвии и, очевидно, продолжение

ареала следовало в этом направлении. В. В. Дорошенко утверждал, что в XVI в. в Латвии скотный двор (обора) обычно был в пределах мызной ограды и его составляли 2–5 жердяных или хворостяных хлевов под одной соломенной крышей [32, с. 187]. Об их расположении в усадьбе свидетельствуют материалы ревизии 1599 г. Вайнижского (Вайнюодского) замкового фольварка, где зафиксировано 6 деревянных крытых соломой и в один круг поставленных хлевов [33, с. 109].

В XVII в. планировка обора постепенно усложняется. Этот тип помещения для домашних животных становится популярным почти по всей Литве и Белоруссии. Количество хлевов одной обора увеличивается от 3 до 12 [34, л. 13; 35, л. 102; 36, л. 24; 37, л. 2, 31]. Они располагаются не только в одну линию, но и с одним или двумя флигелями [38, л. 4; 39, л. 6; 40, л. 2], с хлевами, расположенными в квадрат или по кругу [41, л. 2, 6; 42, л. 297; 43, л. 36]. Распространение замкнутой обора с внутренним некрытым двором свидетельствует о стремлении рационально использовать органические удобрения. Улучшается уход за скотом, помещения утепляются, закрываются дверьми или воротами на бегуне, однако часто по-прежнему они в одном дворе строятся под отдельными крышами. В этот период происходит объединение белорусского и литовского ареалов обора, что на стыке соприкосновения позволило проявиться этнокультур-

Распространение обора в Литве и Белоруссии в XVI в. (заштриховано)

ным влияниям и объясняет отчасти пути распространения в Восточной Литве названия загона для скота, а также внутреннего двора оборы — *dienykas*.

В XVIII в. все чаще в имениях Литвы и Белоруссии хлева обор строятся под одной крышей. Стайни в комплексе обор, которые в XVII в. наиболее характерны для северной Литвы, распространяются по всей территории. Кроме того, все чаще составной частью оборы становятся фуражные помещения.

Анализ некоторых аналогичных помещений для ухода за домашними животными показывает, что в XVI—XVIII вв. наблюдаются 3 наслоения построек, характерные для всей исследуемой территории. Первое наслоение представляет собой остатки более древних этнокультурных взаимовлияний (универсальная *пуня*), возможно, унаследованных от аутохтонного балтского населения. Ареал наслоения суживался с северо-запада на восток. Второе наслоение (*хлев, стайня, одрина — daržinė*) бытовало на всей исследуемой территории. Его распространение предшествовало изучаемому периоду. Третье наслоение (*обора — diendaržis*) в XVI в. было в зачаточном положении и в последующие столетия его развитие в Литве и Белоруссии шло параллельно. Второе и третье наслоения распространялись из нескольких центров, но развитие однотипных построек было аналогичным. Это позволяет предполагать, что, кроме одинаковых экологических условий, тождественной хозяйственной деятельности, неминуемое воздействие на данный процесс оказали этнокультурные связи литовцев и белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1591.12.25. Инвентарь имения Тапина (Полоцкое воеводство); 1595 г. Инвентарь имения Дексян (Минское воеводство); Инвентарь имения Васишки (Минское воеводство). — АВК. Вильна, 1887, т. 14.
- 1753.05.10. Инвентарь имения Майшягала (Виленское воеводство); 1755.12.16. Инвентарь имения Побирже или Рипейкяй; 1759.03.04. Инвентарь имения Струкачого (Речицкий повет); 1781.04.28. Инвентарь имения Венграва (Вилкомирский повет); 1768.01.05. Инвентарь Высоко-Дворского ключа (Виленский повет); 1766.08.16. Инвентарь имения Скипоровщина Безковщина (Минский повет); 1773.04.20. Инвентарь имения Городна (Витебское воеводство); 1775.04.15. Инвентарь имения Летца (Витебский повет); 1784.05.11. Инвентарь имения Светлян (Ошмянский повет). — АВК. Вильна, 1910, т. 35.
- Jurginis J. Alytaus ekonomijos dvarų pastatai 1649 metais. — Acta historica Lituanica VIII. V., 1972.
- 1563 г. Панявежюкас (Вилькийская волость). 1675 г. Жаренай; 17. 2 г. Мишучай (Гондинский повет). — Кп.: LŽ. К., 1941.
- 1563.06.24. Инвентарь имения Панявежис; 1581.01.16. Инвентарь имения Русоты, дворец Путковский. — АВК. Вильна, 1887, т. 14.
- 1758.04.23. Инвентарь имения фольварка Германова (Мстиславское воеводство); 1771.05.18. Инвентарь Домеховской слободы (Речицкий повет); 1785.05.10. Инвентарь имения Веселый двор (Слонимский повет). — АВК. Вильна, 1865, т. 35.
- АВК. — Вильна, 1887, т. 14.

- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1955, т. 3.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1871, т. 3.
- Лаучюте Ю. Терминология обработки дерева (Заемствования из балтийских языков в славянские). — ЛКК, 1975, т. 16.
- Гриनावецкене Э., Мацкевич Ю. Ф., Романович Е. М., Чеберук Е. И. Бытовая лексика литовского происхождения в Западной Белоруссии. — ЛКК, 1975, т. 16.
- Sabaliauskas A. Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos. — ЛКК, 1970, т. 12.
- Lietuvių kalbos atlasas. — Т. 1: Leksika. — В.: Mokslas, 1977.
- Дзялекталагічны атлас беларускай мовы. — Минск: Выд-ва АН БССР, 1963.
- Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. — Минск: Наука и техника, 1968.
- Jablonskis K., Jučas M. Lietuvos inventoriai XVII a.: Dokumentų rinkinys. — В.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1962.
- Butkevičius Iz. Lietuvių valstiečių ūkiniai pastatai. — ИЛКИ. V., 1959, т. 2.
- Butkevičius I. Lietuvos valstiečių gyvenvietės ir sodybos. — ИЛКИ. V., 1971, т. 6.
- Minkevičius J. Lietuvos kaimo senųjų medinių ūkinių trobesių architektūra. — Valsitybinis LTSR architektūros paminklų apsaugos inspekcijos metraštis. V., 1960, т. 2.
- Lietuvių kalbos žodynas. — В.: Mokslas, 1976, т. 10.
- Polski atlas etnograficzny. — Warszawa, 1965, Zeszyt 2.
- ОЭ, д. 356 (497, 500, 501, 509, 511, 513), д. 365 (407, 472—475).
- АВК. — Вильна, 1910, т. 35.
- Lietuvių kalbos žodynas. — В.: 1969, т. 2.
- Pietkiewicz M. Polski z litewskim katechizm albo krotkie w jedno miesce zebranie wiary u powinnosci krzescianskiey... teraz nowo z pilnoscia wydany. — s. 1., 1598.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. — Минск: Навука і тэхніка, 1979, т. 1.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. — Минск: Навука і тэхніка, 1982, т. 3.
- АВК. — Вильна, 1888, т. 25.
- Jablonskis K. Istorijos archyvas. — Т. 1: XVI a. Lietuvos inventoriai. — К., 1934.
- 1588.09.14. Акт о разделе имения Краукенай (Упитский повет); ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 2, д. 46.
- Български диалектен атлас. — Т. 1: Югоизточна България/Съставлен под ръководство на С. П. Стайков и С. Б. Бернштейн. Ч. 1: Карти. — София, 1964.
- Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. — Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1960.
- Думпе Л. А. Животноводческие постройки на западе и юге Латвии (XIX в.). Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. — М.: Наука, 1975.
- 1623.08.01. Инвентарь имения Муснинки. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 3, д. 27.
- 1622 г. Инвентарь Неменчинской волости. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 2, д. 65.
- 1655.01.26. Инвентарь имения Гелгаудишкис. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 1, д. 2553.
- 1687.06.11. Инвентарь имения Дусятос (Вилкомирский повет). — ЦГИА ЛитССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1599.
- 1692 г. Инвентарь Шатейкского ключа. — ЦГИА ЛитССР, ф. 1276, оп. 1, д. 858.
- 1696.04.25. Инвентарь имения Шиленай. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 3, д. 41.
- 1655.11.24. Инвентарь фольварка Пабирже-Рипейкяй. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 3, д. 21.
- 1678.04.28. Инвентарь имения Саламестис. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 3, д. 35.
- 1643.04.23. Инвентарь имения Краукенай. — ЦГИА ЛитССР, ф. 716, оп. 2, д. 43.
- Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. — Минск: Наука и техника, 1981.

ZUR FRAGE DER LITAUISCH-SLAWISCHEN ETHNOKULTURELLEN
BEZIEHUNGEN AUF DEM GEBIET DER VIEHZUCHT
(die 2. Hälfte des 16. Jh. bis zum 18. Jh.)

R. Merkienė

Zusammenfassung

Aufgrund der Gutsinventare und anderen gerichtlichen Dokumente wird die Verbreitung der Viehbauten vom selben Typ in Litauen und Belorussland analysiert. Es wird angenommen, dass sie im 16. bis 18. Jahrhundert drei Schichten darstellten: I — Reste allerältesten ethnokulturellen Beziehungen, die offensichtlich von der autochthonen örtlichen baltischen Bevölkerung ererbt war (der Bau — *punia* — *pūnē*); II — vorhandene Erscheinungen, deren Wurzeln auf die früheren Jahrhunderte zurückführten (Bauten — *chlev*, *stainia*, *odryna* — *daržinė*); III — Erscheinungen, die im 16. Jahrhundert in ihrer ursprünglichen Form auftraten. In den folgenden Jahrhunderten entwickelten sie sich in Litauen und Belorussland parallel (*Obora* — *diendaržis*). Die Verbreitung der analogen Erscheinungen war mit einer Reihe von Faktoren verbunden, unter denen nicht nur direkte, sondern auch indirekte ethnokulturelle Beziehungen einen wichtigen Platz einnahmen.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЛАТЫШЕЙ И СОСЕДНИХ НАРОДОВ
ПО ДАННЫМ ЭКСТЕНСИВНОГО МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

Л. Думпе (Рига)

На протяжении всей истории животноводства в Латвии среди домашних животных на первом месте стоял крупный рогатый скот [1, 1. 88, 123, 165, 248].

Традиционными молочными продуктами у латышей являются кислое молоко, сметана, масло и творог. Переработка молока с давних времен осуществлялась в следующей последовательности: 1. Молоко ставили закисать без добавления закваски (так наз. спонтанная молочнокислая ферментация). 2. С закисшего молока снимали жировой слой — сметану. 3. Накопленную в достаточном количестве кислую сметану сбивали в масло. 4. Оставшееся кислое молоко употребляли в пищу и перерабатывали в творог. 5. Запасы молочных продуктов накапливали в основном в виде масла. Такая система переработки молока соответствовала характеру животноводства, связанного с земледелием: при небольшом количестве молочного скота в хозяйстве молоко и сметану для переработки приходилось копить и запасы было удобнее делать в виде масла. В умеренном климате Прибалтики процесс естественного закисания молока происходил сравнительно медленно: на поверхности его должна была отстояться сметана, которую превращали в концентрированный жировой продукт — масло. Данная система, основанная на естественном процессе закисания, характерна для стран Восточной Европы к северу от Польши и Украины. На юге Восточной и Средней Европы в условиях теплого климата и издавна специализированного в молочном направлении животноводства применялась животная или растительная закваска и основное значение в качестве запаса имел

сыр. Масло делалось преимущественно из сливок, а иногда и непосредственно из молока (главным образом при использовании молока овец) [2; 3]. На юге Европы изготовление масла было заимствовано у северных и восточных соседей (скифов, иберийцев и прочих „варваров“) [4, с. 285]. В северных широтах Европы переработка молока в сыр при помощи закваски издавна приобретала большее значение только в тех местностях, где молочное животноводство было широко распространено (напр., в Голландии, Дании, на севере Германии, в некоторых горных овцеводческих местностях Скандинавии). Таким образом, очевидно зависимость системы переработки молока от климатических и хозяйственных условий.

Инвентарь молочного хозяйства латышей состоял из подойников, цедел, посуды для молока, сметаны и масла.

Подойники (*slaucene*, *slauktuve* > *slaukt*) до конца XIX в. были в основном деревянные, обычно бондарные, реже — долбленные. Наиболее простой по форме и старой по происхождению посудой была обычная шайка с ручкой в виде выступающей клепки, применявшаяся в хозяйстве для различных нужд (рис. 1а). Подойник-шайка соответствовал небольшому удою на ранних этапах животноводства — доильница обычно держала его за ручку левой и доила только правой рукой, присев на корточки или став на колени. Такое доение в Англии изображено на миниатюре XIII в. [5, р. 43], в Германии — XVI в. [6, S. 14]. Свидетельством древнего применения шайки для доения следует признать также ее соответствующее употребление еще в XIX в. во всей Восточной и даже Средней Европе [7, с. 138—139; 8, 1. 97; 9, 1. 32; 10, с. 67, 69; 11, S. 643; 12, S. 606; 13, S. 582; 14, S. 763]. Название лтш. *ķipis*, лит. *kipis* признано к тому же древним прибалтийско-финским заимствованием (эст. *kipp*, *kapp* [8, 1. 103—104] и финск. *kippu*, *kippo*); в прибалтийско-финских языках название является в свою очередь древним германским (древним шведским и древним исландским) заимствованием [15, S. 279].

Второй тип подойника — немного расширенное сверху ведро с двумя ушками крепления деревянной дуги — рукоятки (рис. 1б). Его высота и диаметр около 25—35 см. Более крупные подойники с крышкой между ушками применялись только при доении скота на пастбище. Доильница держала такой подойник между колен и могла доить обеими руками. Этим объясняется тот факт, что в XIX в. произошло вытеснение шайки подойником второго типа. В деталях подойника-ведра в Латвии в XIX в. прослеживаются локальные отличия. На западе и юге Латвии (в Курземе и Земгале) преобладал подойник с гладким краем. На юго-востоке (в средней и южной Латгале, в Аугшземе) подойник также делался с выщербленным у верхнего края сучком в виде носика (рис. 1г), на севере (в Видземе и северной Латгале) — с полым сучком — лейкой (рис. 1в). Вне Латвии подойник с ушками был широко распространен в Восточной и Средней Европе от Альп на западе до Скандинавии и России на востоке. В древнем Новгороде подойник с сучком-лейкой обнаружен уже в слоях XIII—XIV вв. [16, с. 25, 28]. В XIX в.